

и потолка отлетела от взрыва и лежала на полу, комната приняла удручающий, грязно-коричневый вид. Все было ясно без объяснений. Они «вооружились» и сунули заряженную гранату с запалом, на боевом взводе, в противогазную сумку рядом с огурцами, а дальше – одно неосторожное движение и – взрыв. Кому предназначалась эта граната?

В моей помощи они не нуждались, и я ушел.

Я шел на Восток вместе с толпой солдат из разных частей. Среди них были и отступавшие от самой границы; все смешалось в этой массе народа, все виды войск были здесь. К вечеру все как-то устраивались на ночлег. Хозяева кормили голодных солдат, чем Бог послал, потому что в каждой семье муж или сын, или брат были в армии и возможно, так же где-то бродили по России.

Спали не раздеваясь, на полу, на соломе, прикрытой рядном, да и стыдно было рассчитывать на лучшую постель, так много у нас развелось вшей. Я часто видел, как солдаты, найдя укромное местечко, разводили небольшой костерок и, вывернув исподние рубашки, счищали со швов в огонь насекомых, да и сам так делал, ведь мы не мылись и не меняли белье уже много дней.

Направление движения нам подсказывали местные старики – они утром уже знали, где немцев нет.

Так, спустя время, мы оказались в одном крупном селе и наутро, переночевав и подкрепившись, двинули как-то дружно в путь. Собралось человек 50-60, все шли бодро, потому что знали: это должен быть последний переход, а там – наши.

Село, из которого мы вышли, стояло на пригорке, и перед нами открылась красивая картина: проселочная дорога опускалась вниз, вдали слева виднелся лесок, за который она и поворачивала. Справа от дороги все поле было установлено копнами убранной пшеницы, часть видно